

ВОЕННОПЛЕННЫЕ 1812 ГОДА В КУРСКОЙ ГУБЕРНИИ

На протяжении всех войн, которые вело человечество, неперенным следствием вооруженных конфликтов являлись проблемы, связанные с появлением значительного числа военнопленных и их содержанием. Если пленение солдат и офицеров противника становилось неотъемлемой частью военных действий, ведущихся армейскими частями или партизанскими формированиями, то решение вопросов по перемещению и расквартированию их в тыловых районах, организация питания и обеспечение мер безопасности, возлагались на гражданские власти в качестве дополнительной обязанности.

Документальные материалы, хранящиеся в Государственном архиве Курской области, содержат достаточно интересные сведения о работе правительственных учреждений и местных органов власти по размещению и сопровождению пленных военнослужащих наполеоновской армии, оказавшихся в период Отечественной войны 1812 года на территории Курской губернии. Введение в научный оборот информации, извлеченной из многочисленных циркуляров, распоряжений, справок, отчетов, именных списков и ведомостей, позволяет значительно расширить наше представление об этих страницах отечественной военной и региональной истории начала XIX века.

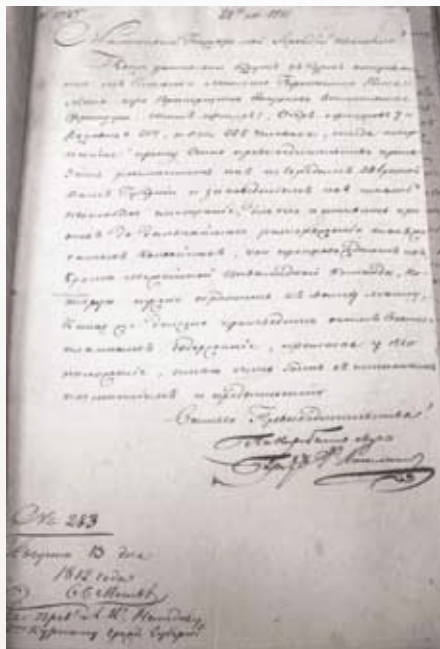
Несмотря на то, что события 1812 г. принято ассоциировать, прежде всего, с наполеоновским нашествием на Россию, курянам пришлось испытать на себе специфику общения с иностранными подданными враждебного государства в связи с пребыванием в июле – августе того же года на территории губернии турецких военнопленных.

По сообщению белгородского городничего И.П. Леонтьева 9 июля 1812 г. в город вступили пленные турки: «...паша – 1, чиновников – 325, простых турок – 697, за препровождением Харьковского внутреннего гарнизонного батальона подпоручика Никитина, с конвойной командой: унтер-офицеров – 1, рядовыми – 12, следующие из Харькова в Воронеж». В Белгороде военнопленные были остановлены на отдых, во время которого отправились на городской рынок, где посетили питейный дом Новоселовской. Здесь, как следует из

рапорта, они «делали озорничество, вылив из таза горячее вино и разбив два полуштофа». Сопровождающему партию подпоручику Никитину было указано на недопущение свободного передвижения турок по городу. Проведенное расследование установило, что хозяйка питейного заведения с мужем заманили пленного Сали ага, отобрав у него деньги, доведя ситуацию до прямого конфликта. Через сутки эта партия военнопленных, по распоряжению городских властей покинула уездный центр¹.

11 июля 1812 г. в Белгород вступила новая партия пленных – 320 чиновников и 822 простых турка, следовавших тем же маршрутом в Воронеж. Их сопровождала конвойная команда численностью 12 рядовых и 1 унтер-офицер, во главе с капитаном Резановым. 12 июля утром пленные отправились на базар, где вели себя крайне вызывающе, оскорбляя своим поведением местных женщин и мешая торговать всем присутствующим. Сделанные туркам замечания только усилили конфликт и спровоцировали драку, в которой приняли участие более 200 военнопленных. Для наведения порядка пришлось привлечь рекрутскую партию, двигавшуюся из Курска в Николаев. Семь турок были взяты под караул и арестованы, у двоих из них отобраны ножи. Сопровождающий капитан Резанов доложил, что поддерживать порядок собственными силами он не в состоянии. Подобным образом турки вели себя и в Харькове, где в конфликт пришлось вмешаться губернатору. По показаниям пленных, во время драки у них было «сорвано» более одной тысячи рублей деньгами и серебром. Местными властями было принято решение в срочном порядке этапировать партию из Белгорода².

О предстоящем размещении в Курской губернии военнопленных французской армии впервые стало известно в конце лета 1812 года. 18 августа орловский гражданский губернатор уведомил своего курского коллегу А.И. Нелидова о том, что им дано предписание городским и земским полициям о «надлежащем препровождении имеющей следовать из Москвы до города Курска партии военнопленных французов, состоящей из одного штаб-офицера, семи обер-офицеров и

двухсот сорок четыре рядовых под присмотром Белостокского гарнизонного батальона прапорщика Васюхнова» с конвойной командой из 10 унтер-офицеров и 66 рядовых³.

В тот же день курский губернатор отдал распоряжение фатежскому исправнику направить нарочного к границе с Орловской губернией, чтобы тот выяснил время прибытия ожидаемой партии в границы Фатежского уезда. Исправнику предлагалось лично отправиться для встречи и дальнейшего сопровождения колонны по территории уезда; организовать подготовку на каждой почтовой станции по 20 подвод; наблюдать за тем, чтобы во время прохода военнопленных «при требовании чего-либо не могло возникнуть беспорядка»⁴.

20 августа 1812 г. А.И. Нелидов обратился к главнокомандующим в Москве Ф.В. Ростопчину и Санкт-Петербурге – С.К. Вязмитинову с просьбой отправить прибывающих в губернию пленных в Воронеж, Тамбов, Пензу или Саратов. В письме губернатора указывались две основные причины, по которым пребывание военнопленных в Курске было нецелесообразно. Во-первых, губернский центр являлся местом сбора почти 14 тысяч рекрутов, а это, в свою очередь, может привести к проблемам с расквартированием и наличием необходимого числа «присматривающих за ними военных

чинов». Во-вторых, недалеко от Курска размещались пороховые и артиллерийские склады, где хранились боеприпасы, присланные с Шосткинского порохового завода. Отмечая эти обстоятельства, губернатор А.И. Нелидов писал: «Привесьма скудном конвое иметь близко к оным людям, неприязненных нам, могущих покуситься на все злодейственные поступки, я нахожусь в справедливом опасении...»⁵. Еще одним фактором, на наш взгляд, побудившим губернатора обратиться с просьбой об удалении французских военнопленных с управляемой им территории, стали свежие воспоминания об инцидентах, связанных с пребыванием на курской земле пленных турок.

На следующий день было получено указание графа Ф.В. Ростопчина, отправленное еще 13 августа, о размещении военнопленных, отправленных из Смоленска, по городам губернии при «неослабном» надзоре за французами с использованием сопровождавшей их конвойной команды. К письму прилагалась роспись порционных расходов на суточное содержание пленных. Генералам полагалось по 4 руб., полковникам – 3 руб., подполковникам и майорам – 2 руб., младшим офицерам – 1 руб., рядовым – 10 коп.⁶

Вскоре первая крупная партия французских военнопленных оказалась на территории Курской губернии. Облагополучном прохождении по дорогам Фатежского уезда местный исправник доложил губернатору 4 сентября 1812 г.⁷ Спустя сутки А.И. Нелидов отдал распоряжение курскому полицмейстеру Киценкову о размещении прибывших пленных в Ямской слободе и составлении подробных ведомостей с указанием рода войск (кирасиры, драгуны, гусары, гренадеры, мушкетеры, егеря и проч.), а также национальности (французы, итальянцы, пруссаки, вестфальцы, саксонцы, португальцы, испанцы, голландцы). Было предписано разделить всех на взятых в плен в бою и на дезертиров. Отдельные именные списки должны были оформляться на офицеров. К выполнению этой работы предполагалось привлечь чиновников, владеющих иностранными языками⁸.

7 сентября 1812 г. прапорщик Васюхнов рапортом, направленном на имя курского гражданского губернатора, доложил о доставке партии военнопленных к месту назначения⁹. В другом рапорте он сообщил о расходах,

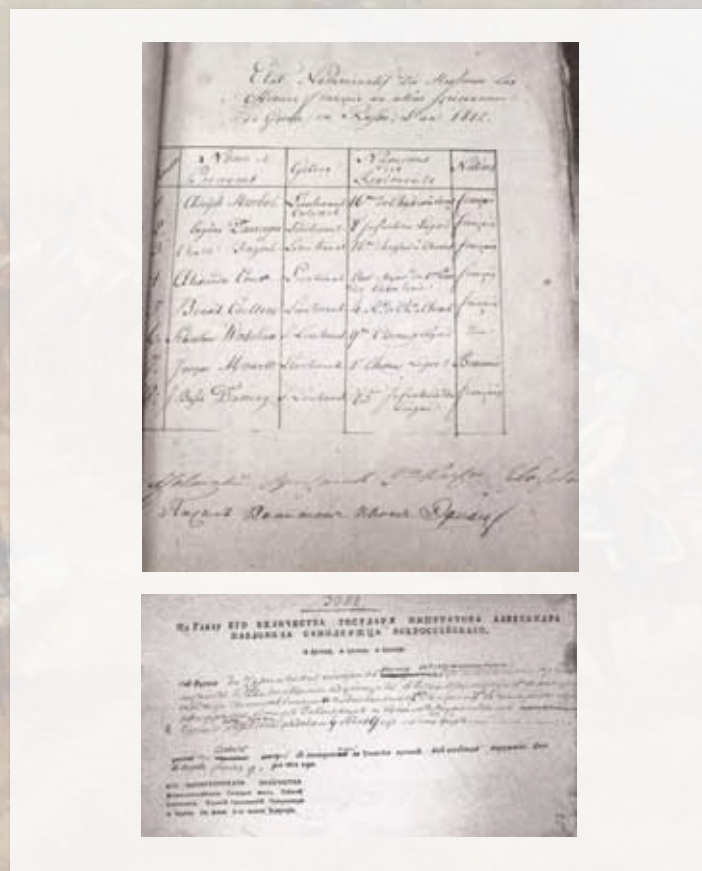
понесенных на содержание пленных в пути следования. Как следует из этого документа, партия французов была отправлена под конвоем из Вязьмы 11 августа 1812 г. Отпущенная порционная сумма составила 306 руб. ассигнациями. На дорогу от Москвы до Курска было выделено только 75 руб. кормовых денег. Этим средств явно не хватило, поскольку реальные расходы, зафиксированные в специальной учетной тетради, превысили 539 руб. Уездные казначейства не выдавали запрашиваемые суммы, несмотря на имевшиеся у прапорщика предписания военных властей. Необходимую сумму предполагалось получить через Курскую казенную палату в уездном казначействе¹⁰.

Но французские пленные в Курске надолго не задержались. Уже 10 сентября их под командой прапорщика Курского внутреннего гарнизонного батальона Гальковского отправили в Старый Оскол. К этому времени были подготовлены ведомости и именные списки. По национальному составу большая часть приведенной партии была представлена французами, кроме того в ней были итальянец, три саксонца, два пруссака, восемь фестфальцев, девятнадцать баварцев, десять поляков, тридцать кроатов¹¹. Пленные офицеры служили в разных частях французской армии: подполковник Адольф Марбо и поручик Карл Брефо – в 16-м конно-егерском полку, поручики: Евгений Дюверне – в 8-м егерском пехотном, Бенедикт Кальон – в 4-м конно-егерском, подпоручики: Себастьян Бесселенг – в 9-м уланском, Васили Деминг – в 85-м линейной пехоты¹².

О размещении прибывающих старооскольскому городничему были даны особые указания. Например, «для пребывания военнопленных назначить обывательские квартиры не в разных местах, а в одной какой-либо части города или слободе по местному вашему усмотрению, избирая для сего такие дома, в которых не менее как человек десять могли поместиться, дабы по недостатку конвоирующей команды с удобностью можно было содержать караул для пленных»¹³. Местным властям предписывалось оказать содействие в обеспечении надлежащей охраны военнопленных. В случае недостатка сил конвойной команды (по рапорту командира внутреннего гарнизонного батальона в ней

числилось 49 чел.), предлагалось использовать служащих уездной инвалидной команды.

Мерами, обеспечивающими общественный порядок в городе, должна была стать изоляция подконвойных от местных обывателей с целью недопущения распространения ложных слухов о положении на театре военных действий. Предполагалось установить контроль за поведением пленных, которые проявляют излишний интерес к отдельным объектам района их размещения, пресекая попытки сбора и передачи информации разведывательного характера¹⁴.

Прапорщик Гальковский рапортовал исполняющему должность губернатора – вице-губернатору Н.С. Паскевичу о прибытии 17 сентября 1812 г. партии военнопленных в Старый Оскол. В пути следования один заболевший французский солдат «волею Божией помер»¹⁵. Как следует из рапорта прапорщика Васюхнова, 10 октября 1812 г. он покинул Старый Оскол с партией 192 чел. пленных «неприятельской армии», направляясь в Воронеж¹⁶.

Следующий этап размещения военнопленных на территории Курской губернии был связан с получением циркуляра Особенной Канцелярии Министра полиции от 24 декабря 1812 г. о решении Комитета

министров, направленном на предотвращение распространения инфекционных заболеваний, связанных с прохождением через внутренние губернии военнопленных, «коих большая часть страдает прилипчивыми и опасными болезнями». В связи с чем было определено: «чтобы провод пленных был на некоторое время приостановлен, и чтобы они оставались в тех местах, где ныне находятся, по крайней мере до того времени, пока они совершенно оправятся и придут в состояние продолжать дальнейший путь, без причинения вреда по дорогам»¹⁷.

Губернаторам предписывалось остано-вить все партии пленных, проходящие по территории управляемых ими губерний. В местах остановки городские и земские полиции должны были проконтролировать, чтобы больные немедленно отделялись от здоровых и не имели контакта с местными жителями. Для наблюдения за пленными места их размещения предполагалось разделить на участки и назначить в каждом ответственного чиновника от дворянства, в обязанность которому вменить и контроль за удовлетворением их потребностей в одежде, обуви, пище, а также за отношением к ним со стороны местного населения и поведением самих пленных. Ежедневно чиновники должны были направлять донесения губернатору о положении на вверенных им участках, с тем, чтобы губернаторы могли предпринимать своевременные меры по исправлению ситуации¹⁸.

И лишь 13 мая 1814 г. Особенной канцелярией Министерства полиции было направлено указание Главнокомандующего в Санкт-Петербурге о Высочайшем повелении «чтобы все без изъятия пленные в России находящиеся, каких бы наций не были, отпущены были в отечество с распоряжением к обеспечению содержания их до границ наших»¹⁹.

Курский губернатор А.И. Нелидов обратился к предводителю дворянства П.А. Гасвицкому с предложением подготовить список чиновников от дворянства, которым будет поручено сопровождение пленных до Белостока. К этому времени в Курской губернии их проживало 1500 человек²⁰.

Таким образом, Курская губерния в 1812-1814гг.стала местом приема, расквартирования и транзитного перемещения значительного числа военнопленных. Местные органы власти стремились точно исполнять все директивные указания и предписания Министерства полиции, регламентировавшие содержание пленных военнослужащих неприятельской армии. Следствием всех проведенных мероприятий стало отсутствие конфликтов и чрезвычайных происшествий в период пребывания иностранцев на территории Курской губернии. При этом удалось сохранить общественный порядок и безопасность населения в военное время.

Примечания:

1. ГАКО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 9267. Л. 3-3-об.
2. Там же. Л. 7-9.
3. ГАКО. Ф. 33. Оп. 2. Д. 576. Л. 1.
4. Там же. Л. 2-2-об.
5. Там же. Л. 3-3-об.
6. Там же. Л. 5-6.
7. Там же. Л. 23.
8. Там же. Л. 7.
9. Там же. Л. 24.
10. Там же. Л. 25.
11. Там же. Л. 21.
12. Там же. Л. 10. Пленные солдаты воевали в составе 5-го, 6-го, 8-го, 9-го гусарских; 3-го, 4-го, 8-го, 11-го, 12-го, 16-го, 24-го конно-егерских; 1-го, 2-го, 4-го, 6-го легко-конных; 6-го, 8-го, 9-го уланских; 8-го егерского пехотного; 1-го, 5-го, 9-го, 24-го, 25-го, 33-го, 35-го, 53-го, 57-го, 84-го, 85-го, 92-го, 93-го, 106-го, 108-го пехотных полков (Там же. Л. 12-15-об.).
13. Там же. Л. 66.
14. Там же. Л. 66-об.-67-об.
15. Там же. Л. 71.
16. Там же. Л. 127.
17. ГАКО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 9270. Л. 6.
18. Там же. Л. 6-об.
19. ГАКО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 9281. Л. 1-6.
20. Там же. Л. 7.